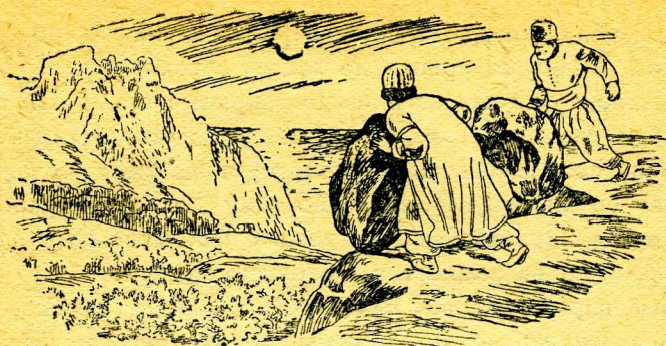

Девушка и парень

Не смотри, что камни большие. И эти камни человек может поднять руками на самый верх. Не смотри, что камни большие. Наверно, и люди раньше были такие громадные, что самый крупный камень не больше яблока в их руках был.

Спроси меня: за камнями кто жил? За камнями жил бей. Имя его никто в народе не помнит. А зачем оно? У бей была сестра—хорошая сестра! И, вот, скажи, как одна утроба матери может родить двух совсем разных? Брат был ночь—зимняя, холодная, злая. А сестра была день—весенний, теплый, ласковый. Вот как одна утроба матери родить двух может. Кто об этом что знает?

Хорошая была сестра. В деревне никто ее не боялся. Она своим богатством от людей не закрывалась, молодые ноги ее по земле легко носили.

У брата зла много, гнева много, богатства много. За братом тенью ходит слава злая. Брат из-за богатства, наверно, и мать бы убил.

А сестра, как весенний дождь, для того, верно, на земле жила, чтобы землю порадовать.

Разные люди бывают... Одна утроба матери, а двух таких родить может!

Полюбил сестру молодой парень. У него лицо было рябое. Ходил он крепко по земле, а тело у него было большое и от этого ноги немного кривые стали. Но зато он был сильный. Такой сильный, что никто в деревне с ним не связывался. Если даже шутя возьмет человека, очень больно ему будет. И поэтому никогда парень не сердился. Правду сказать, такого большого, если злого сделать, ух, на земле тогда страшно будет...

Был парень человек наш, свой, не скажу, любили мы его, а боялись очень. Угрюмый ходил всегда, ни разу даже не улыбнулся. А ведь хорошо, когда человек часто улыбается. Сквозь улыбку душа человеческая видна...

Ну, жил человек и пришла ему пора полюбить. Своим большим сильным сердцем полюбил он сестру бая. А где он видел ее? Кто знает... Может у фонтана, а может за стенку посмотрел. Это грех великий, но любопытство у человека очень большое. Посмотрел за стенку и стало ему хорошо. И один раз в деревне нашей увидели, как улыбнулся этот человек, как ребенок. Эге-е!—сказали мы тогда в деревне,—значит, сердце у тебя детское, если ты можешь так улыбаться. Эге-е, хорошо, живи! Пусть будет тебе всегда радость!

И правда, девушка весенняя полюбила парня. Не посмотрела, что он некрасивый. Не посмотрела, что он не знатный. Через стенку на него глянула. А разве есть такая стенка, за которой любовь спрячут? Хоть ты стенку сделай толщиной с целое море, хоть ты закрой эту стенку на шесть замков,—все равно любовь через стенку пройдет и замки поломает, и к сердцу достучится.

Бей всегда думал: „Эге-е, я свои богатства умножу. Сестру отдам за богатого, отдам за соседа. У него стада большие, сады громадные. У него всего много. Я все к своим рукам приберу и не будет тогда никого сильнее

меня. И к самому хану тогда дойду. Я заставлю многих покориться. Я..“

И даже думать дальше боялся. Большие богатства снились ему. Большая слава шла к нему. И все это должна была принести ему сестра.

А время шло. И та стенка совсем упала. И даже в самом саду бея встречались девушка и сильный парень.

Евнух у бея жил. У евнуха совсем сердца не было. Ведь он не человек. Разве может жить евнух мирно? Всегда, как у самой дикой кошки, у него ненавистью к людям горели глаза и старались найти, на ком выместить, кому отплатить за всю свою боль. Кому гадость какую сделать, кого ущипнуть больно, до синяка, за сердце, за нутро, чтобы вскричал человек и чтобы не дать ему кричать.

У евнуха сила большая. Ему бей верит. Его сам бей боится.

И полз евнух тенью, как болезнь, незаметно за девушкой и парнем. И когда радостные слова говорили два человека друг другу, когда даже небо смеялось от их слов, тогда у евнуха другой радостью были глаза налиты.

— Эге-е,—говорил сам себе евнух,—ничего... Ух, и хорошо будет мне, когда я вам вашу радость оплую. Ух, и хорошо будет, когда вас заставлю плакать.

И лицо свое прятал в тень, в камни, чтобы никто его не видел. И радовалась душа евнуха, и думал он: „Вот и мой праздник пришел. Вот, я пойду... Все расскажу бею. Пусть не думает, что сильный, пусть не думает, что богатый, пусть не думает, что сильней меня. Сейчас в самое сердце укушу его и смотреть буду...“

Ух, как радовался евнух! И тенью пополз вниз, побежал, как мальчишка, к бею. Задышался от радости, говорил:

— А твоя сестра, девушка чистая, сейчас была в объа-

тиях чужого мужчины. Ух, как он целовал ее... Я думаю, что если бы между ними положить железный лист, он накалился бы, как сковородка. Как тепло было лежать около них в камнях. Даже мое старое тело согрелось от них.

Смотрел евнух на бея и радовался, и даже такое шептал ему:

— Ах, какие слова парень ей говорил. Он говорил, что он ее отсюда украдет, что поедет в чужую землю, что они будут жить вместе, что никто никогда,—так говорил он,—не сможет их поймать. Как хорошо и сладко было слушать эти речи. И знаешь,—у них так руки были крепко друг за друга закинута, что если бы ты взял пятнадцать пар волов и стал отнимать друг от друга... эй, бей, мне жалко тебя, но ты не смог бы их оттянуть! Ах, как хорошо было возле них радоваться, что есть люди, которые могут так крепко держать друг друга.

Бей ничего не говорил. Лицо его было спокойно. У него только по шее пробегала какая-то волна. Радовалось сердце евнуха. Но все-таки это было не то, что хотел видеть евнух. И еще говорил он:

— Знаешь, господин мой, они говорили, что ты злой, что тебя никто не любит и что ты сам любить не можешь. Они много о тебе говорили и такое плохое, что я не мог, не хотел слушать и пришел, чтобы сказать, что они о тебе говорили, и поставить правду перед твоими глазами: суди их.

И опять молчал бей. Ему не жалко было ни сестры, ни ее девичества, ни ее чести. Ничего не жалко. Он боялся, что пропадут его надежды, что не станет он сильным беем. Он боялся, что не сможет пойти к ханскому дворцу и заставить всех трепетать и бояться его, бея.

— О, проклятая девушка,—сказал бей,—любви захотела.

Ничего, отдам тебя за старого князя Ширинского и будешь его рабой.

А внуч говорил:

— Зачем за старого князя Ширинского будешь отдавать? Знаешь что, давай их лучше убьем, двоих сразу, подумай, как душе приятно, когда враг твой будет лежать мертвым. А ведь они тебя ругали. Разве может родная сестра так смеяться над братом? Ты ее знаешь... Она голову тебе отрежет, а за Ширинского не пойдет. Давай лучше убьем их.

И нашел лазейку, трещину в сердце бея старый внуч. И согласился бей.

Ночь пришла, было тихо. Камни молчали, звезды молчали. В самом далеком углу сада, слитые с тишиной, с деревьями, сидели девушка весенняя и сильный парень. Они тоже ничего не говорили, потому что все само говорило у них: и глаза, и пальцы, и все тело..

Тихонько поднялись оба и пошли наверх, ближе к звездам, ближе к небу, чтобы вся вселенная видела, как хорошо людям на земле, когда они друг друга любят. И даже звездам стало хорошо! Закачались они, порадовались, заиграли быстрей, и девушка с парнем сказали:

— Эй... смотри.. как сами звезды радуются нам.

И море примолкло. И камни спали. У самого большого камня сели оба и стали говорить глазами. Он говорил:

— Ничего, не бойся. Не бойся, что придется работать. Это не беда. Посмотри, какие у меня крепкие руки. Я ли не наработаю на двоих? А если нет, я через губы силу свою в тебя волью. Тебе сколько нужно?! И будешь ты тоже сильной. И много дашь земле детей и много будешь работать, и как будем жить! Не только звезды—солнце поклонится нам в ноги.

Так говорили ей глаза мужчины. И она чувствовала,

как спина ее расправляется, как становятся крепче руки и чаще бьется сердце и нет в нем страха.

И говорили ее глаза ему:

— Эх, ничего не боюсь. Вот, пойду с тобой и уйдем далеко. И земля наша под руками будет мягкой, как пух. И такого сына тебе дам, человек, что ты радоваться будешь всю свою жизнь. Не боюсь я работы и силу твою через губы возьму и стану большой и храброй. И пусть кто детей моих тронет...

Так глазами говорила весенняя девушка.

А евнух и бей сидели за камнями и смотрели на них. У евнуха такое зло поднялось! Желчь залила его до самых глаз. Ему казалось, что если бы он мог, не раз, а сто раз задушил бы каждого из них, он, которому жизнь дала в удел безбрачие, у которого жизнь отняла счастье иметь детей. Ух, как он ненавидел их обоих, сильных и больших.

„За что,— шептал евнух,— почему я, а не они? Почему я не могу любить? Почему у меня злой удел? Эх, проклятые! Если бы можно было, не раз, а сто раз душил бы ваши шеи. И придушил бы... Послушал ваше смертное дыхание и отпустил бы немножко. А потом опять душил стал и опять послушал, как бы вы стали просить меня о жизни“.

Все дрожало в нем от зла, от желчи.

А бей был совершенно спокоен. Он знал, что сейчас сдвинет камень над сестрой и парнем, и знал, что все сделано для того, чтобы камень упал на них легко.

И вот, когда через губы стали девушка и парень друг другу силу передавать, и забыли обо всем кругом, и не слышали ничего кругом, столкнули два камня бей и евнух... И ни стоны, ни крика, ни жалобы, ничего из-под камней не раздалось. Но бей и евнух не хотели уходить.

Им было страшно. Их мучило любопытство: что там, под камнями? Как они там?

И вдруг увидели, что камни друг к другу прижимаются. Вот, сильнее, рядом, близко, как будто люди, которые крепко друг к другу руки прижали. И еще увидели бей и евнух, что из-под двух камней побежал маленький ручеек, чистый, как слова людей, что здесь сидели. Прозрачный, как глаза весенней девушки. Журчит и журчит, падает. Какое зло в них закипело! Камнями забрасывали, ногами топтали, но ручеек от этого становился только больше, чище...

До сих пор эти камни так близки друг к другу, что если бы ты взял сто лошадей и в разные стороны потянул их, тебе не разорвать этих камней. Никогда не разорвать.

Так, наверно, и люди. Если крепко душой, глазами, сердцем любят друг друга, попробуй, разорви...

Не ходи туда в темную ночь. Тебе станет страшно. А если подумать, бояться нечего. Бежит чистый, светлый ручей, как чиста и светла была любовь девушки и парня.

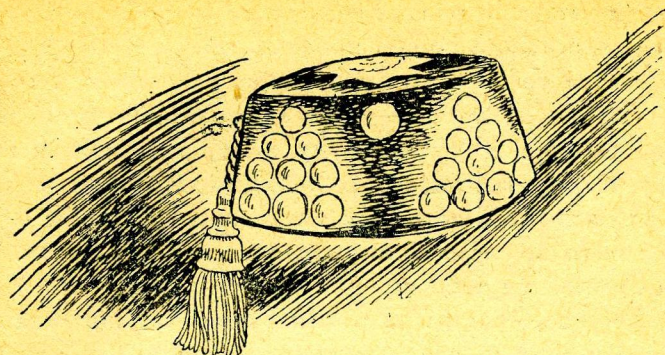
А где вода чистая, там правое дело было. Вода грязи не терпит.

А к ч а ч и к

Было, не было—не знаю. Не знаю, в нашей ли деревне или в другой, никто мне не сказал. Было так:

Денежка жила, Акчачик, маленькая, зеленая, некрасивая. Ее все и всегда ругали, проклинали. И тот, кто продавал, ругался, проклинал, и тот, кто покупал, еще больше ругался и проклинал.

— Ух, ты, проклятая,—говорил тот, кто продавал последний свой хлеб для того, чтобы заплатить денежку бею,—из-за тебя сколько слез, зеленая вон ты, хоть бы ты совсем сквозь землю провалилась. Ты зеленая от наших слез. И не стыдно тебе людям в глаза смотреть, фу, какая ты противная, ты даже пахнешь нехорошо. Это от того, что тебя держат жадные руки. У меня ты не долго пролежишь, к бею в карман пойдешь. Ну, и лежи там. Хоть бы тебя совсем не было никогда!

Бей ее тоже ругал. Этой денежки у него было очень много и он уставал считать их. Говорил, что от этого руки у него красные.

— Эх, хоть бы тебя никогда не было,—говорил бей.

Денежка плакала, от этого она становилась еще больше зеленой. Денежке было очень больно.

— За что меня ругают,—говорила она,—хоть бы я в самом деле сквозь землю провалилась.

Однажды увидела денежка на базаре старичка.

— Слушай, дедушка,—сказала она старичку,—возьми ты меня к себе, я у тебя буду жить, я тебя ничем не обижу, я буду всегда с тобой. А не хочешь, ты меня в карман положи. Я там буду тихонько лежать. Ты один, тебе ничего не нужно, ни покупать, ни продавать. Ты меня спрячь, а я тебе чем-нибудь отслужу.

— Хорошо,—сказал дед. Взял денежку, положил ее глубоко в карман, где больше ничего не было.

Иногда денежка просила дедушку:

— Слушай,пусти меня по двору немного побегать. Что это я все время в кармане лежу, мне на солнышко хочется посмотреть. Я от тебя никуда не уйду.

— Хорошо,—говорил дед и пускал ее во двор.

И быстро бегала во дворе денежка, и от того, что ее никто не ругал, от того, что она была в руках хорошего старичка, чье сердце никогда не покрывалось злом, она становилась все светлее, как будто бы на солнце лежала.

Хорошо было денежке-Акчачик. Вволю бегала, каталась по двору, а потом опять к деду приходила. Соседи-завистники через забор смотрели и злословили про старика:

— Знаем тебя, если ты по двору денежку одну пускаешь бегать, наверное, у тебя в чужах лежит их тысяча. Если бы ты умер, мы бы твои мешки потащили.

А однажды ночью прислушалась денежка, слышит, стонет старик. Потом тихо стало, а потом дед стал совсем холодный, даже денежка замерзла.

И люди пришли утром, и стали шарить по деду жадными руками, и в первый раз услышала денежка слово „умер“. Не знала денежка, что такое „умер“.

И вдруг чувствует, что схватила ее жадная рука, вы-

тащила из кармана и в другой карман положила, где было душно, смрадно, где лежали еще такие, как она, но только те были зеленые, а она светлая.

И опять началось все сначала. Ее на базар понесли. И опять денежку проклинали и ругали, и опять денежка плакала. И опять стала зеленой.

И однажды денежка решила убежать.

— Уйду, убегу, в землю спрячусь, никто не найдет меня.

Соскочила с жадных рук на землю и покатилась. А на базаре стояла девочка маленькая. У нее ничего не было, она была сиротой. У нее даже не было маленького мячика, ничего у нее не было, только маленькие ручки и маленькие ножки, и большие синие глаза. Больше ничего не было, а девочке тоже нужна была игрушка.

Она увидела, как катится денежка. Она подставила лодочкой свои ладошки, и денежка прыгнула прямо туда, прыгнула и зашептала:

— Девочка, ты меня закрой, закрой руками!

Девочка закрыла, закрыла крепко.

— Слушай,— сказала денежка-Акчачик.— Ты меня послушай, ты меня никому не отдавай, все равно на меня ничего не купишь, а если ты отдашь кому-нибудь, меня опять начнут ругать. Ты меня возьми к себе и спрячь за платье. Знаешь что, говорила денежка, сделай мне даже больно, только чтобы я всегда была с тобой.

— Как?—спросила девочка.

— А ты возьми, сделай дырочку во мне, а потом протяни ниточку и повесь на шею.

Девочка так и сделала. Эта ведь была у нее единственная игрушка. И стала денежка жить на груди у девочки.

И скоро стала совсем, как маленькое солнце. А девочка росла. Только она была сиротой и никто не хотел

ее замуж брать. И когда пришла пора девушке показать красоту свою, денежка сказала ей так:

— Слушай. Ты всегда была ко мне добра, хочешь, я сделаю тебя лучше всех в деревне?

— Как?—спросила девушка.

— А вот смотри. У тебя есть шапочка, она хоть старенькая, но это все-таки шапочка. Ты возьми эту бархатную шапочку, надень на голову, как все девушки надевают, и меня, денежку, пришей к шапочке и пойди по деревне.

Девушка так и сделала и пошла по деревне. Свои синие глаза она закрывала ресницами. Ей было стыдно. Скажут люди: ходит по деревне, чем хвалится?

А люди смотрели ей вслед и говорили:

— Какая хорошая стала девушка, и ноги какие крепкие, и бедра широкие, хорошей матерью будет, и руками не болтает, значит хозяйка хорошая, вещь в руках умеет держать. Э-е, да она какая сильная, смотрите, как идет легко по земле.

Так стали говорить о девушке. И самый сильный, самый добрый, самый работающий парень полюбил ее. Он был беден, все его богатство было в его руках, он умел все делать.

И он пришел к девушке и спросил ее:

— Пойдешь за меня? У тебя больше никого нет. Я тебе буду всем—и матерью, и отцом.

А денежка шептала:

— Иди, иди, а то смотри—упустишь.

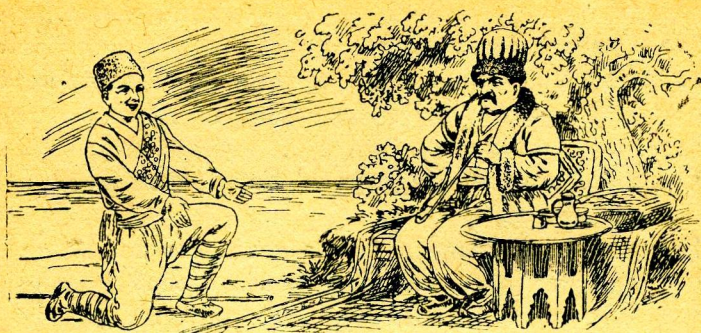
— Нет,—сказала девушка, как девушка.

А когда посмотрела еще раз на него, „да“—сказала.

**Жадный Куртмулла
и чабан Асан**

Большие стада ходят на яйле. И черные и белые барашки. У одного хозяина много, у другого—мало.

А в деревне Корбек большой хозяин был. У него и земли много, у него и барашек так много, что если сразу всех выгнать на яйлу, наверно, не хватит травы для них.

И по одной яйле ходили, и по другой яйле ходили барашки Куртмуллы...

Эх, большой хозяин Куртмулла. Эх, большие богатства у Куртмуллы. Никто никогда не мог сосчитать: сколько овец в стадах у него.

А сады у Куртмуллы большие, душистые. А земля под табаками тучная, черная. Табак такой высокий растет, что человек как в лесу в нем спрячется.

И все-таки всегда от жадности ныло сердце Куртмуллы. И думал он: „Ах, если бы принадлежала мне и вон та земля, и вон та земля...“

И тогда бы не ныло от жадности сердце Куртмуллы.

С таким сердцем лучше не жить. Такое сердце никогда радости не знает. Такому сердцу лучше сразу лопнуть.

Руки у Куртмуллы были длинней, чем у других. Когда смотришь на них, всегда хочется плакать, хочется сде-

лать крепкими ноги свои, чтобы убежать, и выстроить забор у своего маленького дворика, чтобы спрятаться от них. И такой большой камень хочется положить у входа, чтобы даже жадные руки Куртмуллы не сумели отодвинуть его...

Ох, какой жадный Куртмулла! Как с такой жадностью его земля носила...

Кажется—уже всего много, а глаза его все по земле ищут, где что осталось, как бы это в свой двор перенести. Кусок дерева увидит—к себе тащит, лист с дерева упадет, ему и того жалко. Ух, сердце завидущее какое! Ух, жадность какая!

И ночью просыпался Куртмулла и думал: „Ну, что звезды зря в небе горят. Вот, если бы я мог, всех бы их метелкой смел в одно место, чтобы они у меня во дворе горели. И не нужно мне было бы ни свечей, ни очага зажигать. Сколько у меня на это денег уходит, если посчитать!“

И даже сердился, что не мог с неба смести метелкой во двор звезды. У, жадное сердце у Куртмуллы!

Когда дождь по ту сторону горы шел, у Куртмуллы жадность в сердце горела. Если бы мог, он все тучи веревкой связал бы, чтобы только на его сады шла вода, чтобы только его сады туча поливала.

Глупый Куртмулла, что задумал ты! Разве можно всю воду, что дает небо, на твой двор лить?

Слушай, как было...

У каждого человека есть дети. И утроба матери хочет увидеть их даже от злого семени. И у Куртмуллы была жена. И как всякая мать, в утробе своей носила она дитя. И как всякая мать, хотела, чтобы дитя ее увидело и звезды, и солнце, чтоб легко и радостно ему жилось.

Так хотела мать.

И дала она прекрасную дочь земле. Красивую, добрую девушку, но только очень трусливую. Не сумела мать очистить ее от страха, от трусости. Девушка скромная, а вот храбрости в ней меньше, чем у котенка. Всех боялась. Всех слушалась. Скажи ей заяц в лесу: „стой!“ — и она, бедная, остановится. Задрожит вся, но остановится. Но разве можно такое сердце человеку иметь? Ей маленькая кочка казалась с Чатыр-Даг. Ей маленькая песчинка казалась с гору. Всего боялась бедная девушка.

Сердце слабое, глаза ясные, и трусость большая.

И ее, вот такую тихую, полюбил человек.

Через дорогу, через канаву стоял маленький двор. Там жил мужчина — сильный, храбрый, смелый и добрый. Асаном его звали.

У Асана мать была и больше никаких богатств. Но мать любил он всей душой своей. Мать умела открывать ему небо, умела так рассказывать о земле, о правде, что он шел по деревне, как первый богач. С большими был мудр, с маленькими был прост. С женщинами был товарищ. Любили его и большие и малые. И старики и старухи всегда ему привет делали от сердца, — не по закону, а с радостью.

Куда пойдет Асан-бедняк? Пошел чабаном Асан. Работал много. Дней своих не считал Асан. Умел смотреть на небо, умел слышать правду. Знал, как листья в лесу друг другу жалуются. Любил свою мать.

И пришла ему пора полюбить женщину, девушку. И полюбил он ту, кто была самой кроткой, самой тихой. И думалось ему: „Если меня мать умела научить мудрости, правде, то и я свою любимую научу, как жить, не боясь ни камней, ни травы, ни ветра, ни зайца“.

Думал так он, потому что знал, какая трусливая девушка его любимая.

И к нему, большому и сильному, как мох к камню, приросла любовь. Больше ни о ком Асан не думал.

Но разве отдаст Куртмулла дочь свою за бедняка, за Асана? Да если бы мог, он тысячу раз продал бы дочь свою, чтобы больше денег пришло в сундук! Да если бы мог, он тысячу раз на базар бы повел дочь свою. И чмокал бы там губами и кричал: „Эй, какой товар! Подходи!“

Асан даже думать не смел пойти к Куртмулле и попросить себе в жены тихого ребенка, девушку. Не за богатство... Зачем ему оно, если он знал правду? Не за землю... Зачем ему земля, когда он своими сильными ногами обошел ее столько, сколько хотел? Не за овец... Разве мало он держал их в руках своих, разве мало грел о шерсть их руки свои и тепло ему было? С богатством слезы приходят. Зачем ему слезы? У него есть мать, любимая сердцем. Зачем ему богатство? Он знал, как Куртмулла ночи не спит из-за своего богатства. Асану хотелось всю землю в кулак зажать и сдавить ее так, чтобы зло из земли выдавить. Зачем земля ему? И той земли, по которой ходил он, ему хватит. Она его растила.

Но всему приходит время. Пришло время и гордому, и скромному, и храброму Асану притти и поклониться в ноги жадному Куртмулле. И попросить смиренно:

— Отдай за меня дочь. Всю тебе отдам силу, но отдай дочь. Буду работать, только отдай мне дочь. Пусть будет радость в доме моем. Есть у меня в доме мудрость—мать моя. Но ничего не вечно на земле и скоро мать уйдет. А как мне жить? Отдай мне дочь. Зачем тебе? Богатства у тебя хватит. Ты мне не давай богатства. Мне не надо. Отдай дочь. Ведь это не самое большое у тебя богатство.

Так говорил чабан.

Посмотрел Куртмулла на сильные плечи чабана и подумал:

„Эге, даровой работник у меня будет.“

И от жадности сердца своего сказал так:

— Хорошо.

Чабан вздрогнул.

„Что дальше будет“, думал он.

— Хорошо, — сказал Куртмулла, — я тебе отдам дочь свою. Только должен ты будешь мне послужить. Три задачи тебе я даю. Первая задача. Пойдешь ты в пещеру Чатыр-Дага. Там в глубоком колодце, на самом дне, говорят, чудный камень лежит. И такой драгоценный, что если звезду из него сделать, то загорится она на весь свет и прославит имя мое. И пойдут ко мне богатства не каюками, а целыми кораблями.

И загорелись у Куртмуллы глаза и задышала часто грудь.

— Хорошо, — сказал Асан и пошел в пещеру.

Как томилась душа его в темной и скользкой пещере Чатыр-Дага! Он падал, подымался, снова падал. Ему казалось, что его хватает кто-то страшный. Ему казалось, что он не выйдет и что даже мать со всей ее мудростью не найдет его в этом темном скользком коридоре. И никогда он не увидит солнца, никогда не увидит, как горят звезды. Никогда не увидит лица своей девушки.

Но он шел, шел... И дошел до колодца. Все дрожало в нем, но любовь говорила:

— Не надо, не бойся. Ищи камень и ты найдешь.

И спустился Асан в глубокий, страшный колодец. И не боялся ни змей, ни страшных пауков. Никого не боялся Асан. Со дна принес большой драгоценный камень Куртмулле.

Но Куртмулла сказал:

— Слушай, ты, чабан. Дочь хочешь взять мою? Хо-

рошо. Одну задачу ты сделал. Сделай другую задачу. Говорят, что в лесах Бабугана растет дерево, красное дерево, имя которому тисс. Говорят, что купцы далеких городов дают большие деньги за это дерево, говорят, что ни один человек не может срубить это дерево. Ты—сильный. Пойди, сруби. Принесешь—моя дочь будет за тобой.

И опять пошел Асан. И в лесу продирался через кустарники. И буран сдувал его с гор. Он поднимался и опять шел кверху. И орел клевал его тело, но он отбивался от него и говорил:

— Неужели я сорвусь? Неужели тело мое склюют орлы?

И он подымался и лез выше и выше. И нашел дерево, имя которому тисс. И долго рубил. И пот и слезы струились с лица его. Терпеливо рубил и рубил крепкое дерево Асан. И потом, сдирая кожу на плечах до кости, принес дерево в деревню. И все ахали и удивлялись и легче становился его путь. И как самая яркая звезда, горело перед ним лицо девушки.

И третью задачу дал Асану жадный Куртмулла. Он сказал:

— На Демерджи, говорят, остатки моря есть. Говорят, такой прекрасный камень лежит там. Красный как кровь. И в далеких странах, где люди кожи черной, любят этот камень надевать на себя. За него много золота дадут. Я хочу, чтобы эти богатства пришли ко мне. Достань мне этот камень, красный как кровь человеческая. Достанешь—я тебе отдам тогда дочь.

И в туманное утро, когда плакали камни, когда скользили ноги по обрыву, пошел чабан. Асан шел. Дышал тяжело. Туман, как вата, ложился на душу, на плечи и давил душу, мозг. Ветер плакал в камнях, грозил. Кажалось Асану, что он больше не вернется на землю.

И пробираясь через густой туман, он искал красный камень. Из его тела на землю падала тоже красная кровь. Но она камнем не становилась. Жадно глаза искали ненужный ему красный камень. Чабан прижимал к груди пораненные руки.

А небо обрушило на него все зло свое. Не видел он ясных звезд. Совсем один в горах чабан остался.

Он говорил:

— Почему все—и небо, и камни обрушились на Асана? Неужели никто никогда не пожалеет Асана? Неужели нельзя было выбрать задачи полегче, а камень, который нужен жадному Куртмулле, чтобы лежал не так далеко?!

—Эй, гора, открой мне богатства твои! Верь, мне камень твой не нужен. Если бы мог, я бы тебе отдал его обратно. Но мне нужна любимая девушка. Я буду работать. Я буду рукой гладить все камни твои. О, Демерджи! Откройся мне, дай красный камень.

Так шептал Асан и долго ползком, обрываясь, лазал, искал.

И на самом высоком гребне, где очень-очень страшно, где ветер каждую минуту мог сдуть вниз как пылинку сильного чабана Асана,—там, 'наверху лежал красный камень, который нравится людям с черной кожей и который большие богатства принесет Куртмулле. И цепко хватаясь за скалы, взял камень чабан. И в ужасе спускался вниз.

А ветер сильнее, чем тысяча шайтанов¹, чем тысяча джинов², дул ему в уши, грозил, не давал ползти, опрокидывал. И скользил, и падал, и вновь поднимался, и к груди прижимал Асан ненужный ему камень, и плакал, и звал мать, мужество свое хотел поддержать.

---

¹ Шайтан—чорт.

² Джин—дух.

Наконец, совсем бессильный спустился вниз чабан Асан. И думал:

— Сейчас я буду самым счастливым человеком. Сейчас я приду в деревню. Войду во двор. И девушка отдаст мне сердце свое. И все забуду. И все страхи пройдут у меня.

И он пришел во двор к Куртмулле. Куртмулла удивленно на него посмотрел, взял камень, ничего не сказал. И даже бесстыжие свои глаза опустил вниз.

Позвали девушку. Когда она вышла, она так испугалась, так крикнула, как будто в самое сердце ранили ее.

Чабан посмотрел на нее. Глаза искали согласия на лице у девушки. Ему было горько смотреть, что она—его любимая—испугалась.

— „За что?—хотел сказать он,—за что? Почему испугалась? Неужели мало сделал? Неужели еще душу хочешь отнять у меня? Ты же ребенок. Ты же ласковая..“

Тогда Куртмулла принес ему зеркало. И понял чабан Асан. Все понял.

Из зеркала на него смотрел старый, старый старик. Волосы у него были белые. Лицо у него было покрыто морщинами, как море на рассвете покрыто морщинами от ветра. Глаза были потухшие. И не было больше жизни в больших плечах чабана Асана.

Покачала головой девушка, посмотрела на отца своего, жадного Куртмуллу, на чабана Асана, и руку протянула чабану. И схватил эту руку чабан, и ушел с девушкой к мудрой матери своей. Они шли, и девушка пела о том, что звезды прекрасны, о том, что земля сладкая, когда рядом с тобой любимый...

Зюлейха

Тц-тц-тц... улю, улю, улю... Этот Бахчисарай такой большой город... Ай-ай-ай... Тц-тц-тц... улю-улю-улю... И длинный. Такой большой город! Если у тебя есть целый чувал денег и ты пойдешь в город, и если у тебя очень много-много времени, ты все равно не сумеешь всего купить. Такой большой город... Если у тебя очень много времени и ты станешь на перекрестке двух улиц и станешь считать, сколько людей в нем живет, неделю будешь считать, не сможешь посчитать, так много...

А в Бахчисарае вот как однажды было:

Там камни большие есть. Ты думаешь—камни? Эх, ты, глупая! Это не камни. У нас тоже люди говорят: камни! А если камни, зачем называют их как людей?

Вот как старики рассказывают.

В Бахчисарае был бостанджы—огородник. Никто не знал, как его звать. Асан? Мамут? Кто его знает, как звать. Был старик... А где старик, там ищи старуху. А где старик и старуха—и дети будут.

Было у него два сына. А как родились, знаешь? Когда родились, бабушка, которая принимала, как заплачет, как пожалеет Айше:

— Вай-вай, Айше, что у тебя случилось?.. У тебя два мальчика родились. Радоваться надо, только ты плачь, у обоих сердца нет.

Как же без сердца жить детям? Мать плакала, а потом сказала:

— Ничего, я возьму свое сердце материнское, отдам по половинке. Материнское сердце не такое, как у всех, пополам на двоих хватит.

Так и сделала. Отдала, но только плохо дети росли, всегда ругались, спорили. Кто больше всех дрался?— Дети бостанджы. Мать их баловала, самые лучшие шубы, самые мягкие шапки, самые красивые кушаки, чулки, постолы, какие были—все им. Но они были недовольны. Всегда со всеми ругались, всегда всех били, и мальчиков никто не любил в городе.

А у нас в деревне жила девушка. Звали ее Зюлейха. Хорошая девушка. Как я расскажу, какая? О хорошем долго не расскажешь, хорошее само умеет говорить, только видеть надо, смотреть надо. А я как расскажу?

Спроси—какие глаза, я тебе скажу: очень хорошие глаза. Глаза такие были, что если на базаре на какого-нибудь мужчину посмотрит через платок, то такая драка идет. Каждый мужчина говорит: на меня посмотрела! Так дерутся—ни покупать, ни продавать нельзя.

Зюлейха и на базар не ездила, боялась. В деревне старику поклонится, старухе воды принесет, только на молодых не смотрела, знала, что если посмотрит, то драка будет. А сад кто тогда смотреть будет, огород?

Какие губы—спроси? Ты видела, когда вишня зреет, не тогда, когда темная, а только зреет? Вот какие губы. И такие сладкие, как мед.

А щеки какие были—знаешь? Вот если по дороге она

идет, и шиповник цветет, то шиповник закроется весь, стыдно ему. Такие щеки у Зюлейхи.

А косы были черные, мягкие, длинные, хорошие. А сама девушка высокая, крепкая, ноги легко ее несли.

Зюлейха хорошая была, хитрая. Она жила с матерью, со вдовою. Никого у них не было, ни брата, ни дяди. Много нужно было белить полотна на речке. А сама знаешь—на Каче воды мало. Сегодня идет, два дня не идет. Зюлейха была хитрая девушка! Начинала песни петь, а Зюлейха запоет—вода станет, вода тоже слушать хочет, как Зюлейха поет. А внизу все ругаются, воды нет. Все в деревне кричат. А почему кричат? Потому, что вода стала. А, знаем, говорят, Зюлейха поет. Ничего, говорят, придешь сюда, мы тебя накажем.

Она поет, поет да белит, а потом уйдет. Вода как побежит. Когда бежит вода, все ломает, ни на что не смотрит. Люди говорят—наводнение. А что они знают? Это Зюлейха ушла... А люди сердятся. Кто не прав, тот больше всех кричит, сердится.

Любила Зюлейха на цветы смотреть. У Зюлейхи во дворе раньше всех цветы цвели, потому что, если она наклонится над цветком, и скажет: а как ты?—цветок торопится цвести, ему хочется на Зюлейху посмотреть.

Хорошая девушка была Зюлейха, веселая, певучая.

Увидели Зюлейху два брата бостанджы, и решили каждый: моя будет.

— Молчи ты, кривоногий,—говорил один.

— Ну что ж, что кривоногий, зато я на два крика раньше тебя родился.

И опять пойдет драка, опять ругаются. И решили: кто силой украдет, того будет. И пошли оба из Бахчисарая в Кош-Дегирмен.

И шли не так, как хороший человек идет. Хороший человек идет—поет, днем идет—поет, ночью идет—поет,

пусть все люди о нем знают, а эти шли как воры, тихо: ползали, чтоб никто не видел. Пришли. Защищать Зюлейху некому. Каждый свой дом смотрит, а у Зюлейхи брата нет, дяди нет.

Слышит Зюлейха, через окно лезут. Она в дверь побежала. Она была гордая. Только глупая Зюлейха была: ей по деревне побежать, закричать, а она по дороге бежит, а мать за нею бежит. Какая мать дитя бросит...

Наконец, устала Зюлейха, говорит матери:

— Ой-ой, мама, боюсь.

А мать говорит:

— Не бойся, дитя.

Вот дальше бежит, совсем ноги стали уставать. Тогда Зюлейха говорит:

— Ай-ай, моя судьба, не хочу жить в руках злого человека. Пусть лучше на дороге камнем лягу.

Крепкое слово было у девушки. Стала она в землю вращаться, уже только головка осталась. А на другой стороне, смотрит, мать бежит. В последний раз крикнула Зюлейха:

— Ой-ой, мама, боюсь,—и камнем стала.

А мать тогда сказала:

— Пусть лучше буду всю жизнь на этот камень смотреть, может быть в нем дочку увижу.

И такое крепкое слово у матери было, что как легла она на землю, так тоже камнем стала.

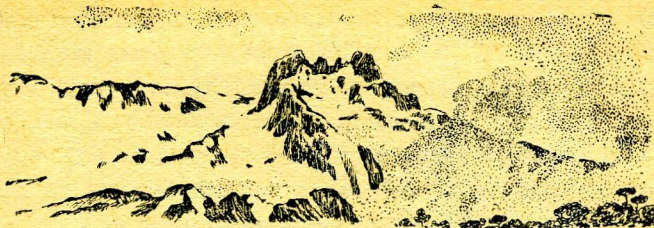
Два брата ничего не сумели взять, обратно в Бахчисарай побежали. Назад бегут, ругаются. Выскочила мать, сыновей увидела, все поняла и сказала:

— Эй, вы, злое племя, пусть лучше от вас семя не пойдет по земле, пусть лучше мы все камнями здесь ляжем.

Крепко слово у матери. И полегли они камнями, там, где стояли. Видишь камни? Пойди, самый средний камень послушай. И если у тебя сердце чистое, то ты ухом услышишь, как мать плачет...

**Сказка о птице Гюма
и маленькой Ай**

Сердитый старик Боран на яйле, ох, какой сердитый! Когда рассердится, то дует, кричит. А на кого сердится?

Борода у него белая, длинная, большая. Когда рассердится, бородой по яйле метет во все стороны, а люди говорят: „туман“. Неправда, это борода старика Борана.

Нет у старика никого, ни друзей, ни приятелей. Никого нет. Одна только подружка есть—птица Гюма.

Ох, хороша птица Гюма! Не моим бы старым губам тебе говорить, не твоим бы молодым ушам слушать... Как я тебе всю правду расскажу? Очень хорошая птица Гюма.

Крылья у нее большие, бархатные, черные. Если тень от птицы Гюма упадет на землю, дождь пойдет и у человека все растет, и тогда человеку радостно.

Крылья у птицы Гюма черные, а грудь розовая, как лепестки цветущего миндаля.

Очень хорошая птица Гюма.

Если ты найдешь черное перо—не бери, не надо, зачем тебе, будет тебе грустно на душе, а если ты найдешь розовое перышко—возьми.

Только вот еще что скажу: если встретишь птицу Гюма, никогда не смотри ей в глаза. Глаза ее холодные, как лед. Такие глаза бывают и у человека. В одни глаза

посмотришь и подумаешь: „эге, как хорошо жить, эй, долго буду жить, и хозяйка у меня в доме хорошая, и дети хорошие, и, наверное, урожай будет хороший в саду, эх, как легко по земле ходить“.

Такие бывают глаза теплые.

Говорят старики, что глаза теплые бывают от крови. Если в сердце крови много—глаза теплые.

А в другие глаза посмотришь и подумаешь: „эх, наверно, скоро смерть придет, и зачем я родился, и хозяйка у меня сердитая, и дети больные. Эх, хотя бы смерть скорей пришла“.

И ходит тогда человек каменными ногами по земле.

Такие глаза у птицы Гюма.

Последней кровинкой у птицы Гюма была дочь, звали ее Ай. Хорошая Ай, молодая, такая тонкая, прозрачная, что через нее даже травинки видны. Очень балованная Ай.

Старика Борана все боялись, чабаны прятались, люди в бурун не ходили на яйлу, а ей ничего, по бороде его бегают, за кудри его дергает, хохочет, ничего не боится. Старик Боран тоже любил Ай, позволял играть с ним, позволял по бороде бегать.

А был на нее зарок. Сказано было птице Гюма: если ты покажешь свою дочь Ай кому-нибудь, в ту же минуту она пропадет от тебя.

И держала она ее то в скалах, то в соснах, даже солнцу не показывала, всегда прятала молодую Ай. Или так: на черных бархатных крыльях возьмет девушку и понесет к Черному морю.

Черное море сердитое, корабли топит, людей губит, но Ай любит. Какие волны ни бывают, Ай не боится, по лицу моря бегают, а маленькие ножки оставляют следы. Люди говорят: „лунная дорожка“. Ну, что они знают? Ничего не знают. Это следы ножек маленькой Ай.

Бегает, бегаёт, устанет—назад побежит и на берег сядет, запоёт. Хорошо поёт.

Если девушка услышит в деревне, как поёт Ай, прислушается и подумает:

— Эй, скоро моя шестнадцатая весна придет, скоро он, мой суженый, придет к окошку, а я занавеску подниму, через решетку посмотрю, а он спросит:

— Живешь?

Скажу:

— Живу.

А он спросит:

— Меня ждешь?

Скажу:

— Жду.

А потом поженимся, а там дети пойдут, да все наверное мальчишки, да все здоровые. А потом во дворе сад посажу, цветов много будет, а у меня спросят:

— Чьи цветы?

А я скажу:

— Хозяина.

Если парень услышит, как поёт маленькая Ай, он выйдет на улицу, пройдет по деревне, грудь вперед, и скажет:

— Кого я боюсь, кто меня храбрее? Пускай дует буря, пускай шумит,—я не боюсь. Вот возьму барашек и пойду на яйлу. Кто храбрее, кто сильнее меня есть! Скоро моя шестнадцатая весна придет, а я к окошку моей девушки подойду, а она меня спросит:

— Живешь?

Скажу:

— Живу.

А она спросит:

— Ждешь меня?

— Жду,—скажу.

А потом мы поженимся, а потом дети пойдут, да все здоровые, а во дворе цветы посадим, и если спросит кто:

— Чьи цветы?

Я скажу:

— Хозяйки.

Вот как пела Ай. Вот ты спой-ка так...

Эх, никогда не знаешь, когда беда придет...

Где-то задержалась птица Гюма, да так задержалась, что к утру не прилетела. Видит маленькая Ай, что из-за самого моря вдруг показалось чье-то лицо.

— Какое прекрасное лицо,—сказала Ай.

Выше и выше поднималось оно.

— Эй, да ведь это Кунь, это ведь возлюбленный мой!

А Кунь посмотрел через море, увидел девушку Ай и сказал:

— Да ведь это моя возлюбленная, Ай!—и протянул горячие юношеские руки.

Ай ничего другого так не дожидалась, побежала к Куню, по морю побежала. Подхватили ее руки крепкие, молодые, юношеские руки Кунь и высоко-высоко в небо подняли.

Прилетела птица Гюма. Как кричала мать, как грудь свою розовую щипала, как бегала по берегу, как плакала! А потом решила:

— Полечу к Борану, скажу—пусть соткет самое тонкое покрывало, пусть не видят люди, как целуются Ай и Кунь, пусть позора девушки не видят, пусть не судят ее.

И сделали они высокое покрывало и высоко подняли со стариком Бораном покрывало, закрыли Кунь и Ай.

Потом птица Гюма крылья свои бархатные сложила и камнем в море упала.

И вот теперь, если море спокойно и солнце светит ярко, пойдя посмотри, лежит на дне моря большая птица Гюма, и крылья у нее тяжелые, бархатные...